

К 556
12

Крокодил

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 30 КОП.

№ 32 МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

НОЯБРЬ 1933

НА ПУТИ К ЗИМЕ

В ТОТ ГОД ОСЕННЯЯ ПОГОДА
СТОЯЛА *не* ДОЛГО НА ДВОРЕ.
(А. С. ПУШКИН)

Примечание. НЕДОЛГО. О чем на-
поминаю всем заинтересованным учреж-
дениям и организациям. „КРОКОДИЛ“

Рис. К. Елисева (псевдоним М. Глушкова)

Не гуди! В текущих делах и о тебе поговорим!

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Тов Мерлушкин очень занят. Пятый день перед ним на столе лежит циркуляр о подготовке к зиме. В окно кабинета стучится нудный и мелкий осенний дождь.

Тов Мерлушкин берет, наконец, за циркуляр и начинает сосредоточенно вчитываться: „Проверить готовность предприятий к зиме“.

Мерлушкин поднимает телефонную трубку.

— 4-66-28 Танюша! Вытащи вещи из нафталина. Пора готовиться к зиме. Как будет с твоей шубой? Эта проблема меня тревожит. Что? Воротника нет? Хорошо, записано.

Он звонит по телефонам, ездит, долго ведет в магазине дискуссии о преимуществах выдры перед чернобурой лисицей, и наконец, к вечеру возвращается домой, победно размахивая воротником из крашеной кошки.

Наутро циркуляр снова маячит перед его глазами.

„Необходимо утеплить все производственные помещения“.

— Как я мог об этом забыть? — ужасается Мерлушкин. — Это же по существу основная проблема!

И он уже советуется с завхозом, шепчется с управделом и оживленно беседует со старшим агентом. К концу трудового дня его портфель туго набит войлоком для обивки входной двери и первосортной замазкой для окон.

Тов Мерлушкин облегченно вздыхает и снова возвращается к циркуляру. Но ему не дают сосредоточиться. Работник ОРС взволнованно гонимый бежит в кабинет.

— Тов. Мерлушкин, что у вас сделано по проверке овощехранилищ?

— Дорогие товарищи, — начинает привычно декламировать Мерлушкин. — Я не могу разорваться, у меня только две руки и две ноги. А кто, по вашему, мнению будет утеплять производственные помещения, кто будет проверять готовность к зиме? Кто будет... И, вообще, у меня только две ноги!

Работник ОРС виновато выходит из комнаты. А мозг тов. Мерлушкина уже лихорадочно работает.

— Как бы не остаться на зиму без квашеной капусты. До сих пор нет кадушки. Все дело может сорваться.

И он лаконично отмечает в своем блокноте: „Тов. Ангельчиков — кадушка“.

Барометр катастрофически падает. И уже по утрам морозные ветры взапуски бегают по улицам. Мерлушкин сквозь туман пробирается на службу.

Он торопливо поднимает воротник. Он спешит. Времени для подготовки к зиме остается все меньше и меньше. По дороге он заходит в театральную кассу за абонементом в оперу на зимний сезон.

И, опаздывая на работу, он сокрушенно вздыхает:

— Ну и запарка с этой зимой. Не легко ее встретить во всеоружии.

Обтрепавшийся, постаревший циркуляр продолжает лежать на столе. Мерлушкин дочитывает его последние строки:

„Вся работа по подготовке к зиме должна быть закончена не позднее 10 ноября“.

Глаза его перебегают на листки календаря, уже перешагнувшие в ноябрь.

— Как я устал, — вдруг решает Мерлушкин. — Я заработался, я изнервничался. У меня только две руки, две ноги и одно сердце.

Тов Мерлушкин кидается в местком.

— Должен же я когда-нибудь отдохнуть! — истерически визжит он. — У меня только две руки и две ноги. Путевку мне, путевку!

И вот тов. Мерлушкин прощальным взглядом осматривает свой стол: сонная осенняя муха, последняя муха сезона, налету замертво падает в чернильницу; сморщенный пожелтевший циркуляр снова назойливо лезет ему в глаза.

Он сердито хватает ручку и, волоча пером захваченную в чернильнице муху, пишет резолюцию:

„Тов. Пастухову. В виду моего отъезда в отпуск прошу выполнить к сроку. Мерлушкин“.

Собственно говоря, тов. Мерлушкин уже свободен: дела сданы, осенне-зимняя кампания закончена, впереди — лазурное Черное море.

Он возвращается домой и внимательным хозяйским глазом окидывает плоды своих трудов: в квартире пахнет свежей замазкой, дверь аккуратно обита войлоком, аппетитные кадушки заботливо поставлены на кухне, и роскошная крашенная кошка отныне прочно связала свою судьбу с женой шубой.

— Есть от чего устать, — вздыхает Мерлушкин. — Но зато подготовка к зиме закончена блестяще.

И в день, когда морозные ноябрьские ветры, споткнувшись об обитую войлоком квартиру Мерлушкина, несутся дальше и начинают нагло хозяйничать в неутепленных помещениях, он уезжает в Сухум.

Позади остаются дожди, замазка, ветры и пожелтевший циркуляр.

Он засыпает и, как бы убаюкивая его, колеса мерно выстукивают: „Все в порядке! Все в порядке! Все в порядке!“

КОЛЕСА И ПОЛОЗЬЯ

„Зима. Крестьянин, торжествуя...“

1

Живя мечтою: жать, не сея,
Без задних мыслей на уме,
Бывало старая Расея,
Кряхтя, готовилась к зиме
Да и какая подготовка?
Уж так от дедов и отцов:
Была бы темная кладовня
Полна соленых огурцов;
Да чтобы шуба в нафталине
Да чтобы с лета на малине,
Ароматичный и густой,
Хмелел испытанный настой;
Да чтобы сменой телеге
Стояли легкие в разбеге
Утехою морозных дней —
Все разновидности саней.

2

Вопрос восходит к печенегам,
К далеким дням,
К замшелым пням:
Пришел апрель — разгул телегам!
Пришел ноябрь — простор саням!
Не раз говорено и пето
Про то и в шутку и всерьез:
Вопрос зимы и лета — это
Вопрос полозьев и колес.
Морозный ветер, злясь и дуя,
Слепит глаза и студит грудь,
И вот „крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь“.
Но мы отцам своим не ровни:
Делам и планам нет числа.
Проблема транспортная — дровни —
Для нас давно переросла.
Уж нам колеса на полозья
Менять не стоит и труда:
Эпоха наша — паровозья!
Телеги наши — поезда!
Мы в сокрушительном разбеге
Летим навстречу бытию:
Не нам победы на краю
Скользить на льду и вязнуть в снеге.
Менять нам надо не телеги,
А психологию свою!

3

„Зима. Крестьянин, торжествуя...“
Нет! Вас, читатель, не зову я
(Мне на традиции плевать)
Заранее торжествовать.
Пообождем. Еще не время.
Сначала надо скинуть бремя
Подготовительных трудов:
Чтобы движенью поездов
Преград не ставили метели;
Чтоб над землей они свистели,
Не обрывая проводов;
Чтобы глубокие сугробы
Не прерывали нам учебы;
Чтоб и в столице и в селе
Страна зимой, как летом, пела;
И чтобы в жилах кровь кипела
На реомюровском нуле!

4

В судьбе страны своей не волен,
Крестьянин был уж тем доволен,
Что мелкой рысью — как-нибудь —
Он обновлял на дровнях путь.
Но должен круто повернуть я
И углубить проблему. Глядь:
Нам все пути и перепутья
Сегодня надо обновлять.
Мы на полозья смотрим косо...
Еще бы! Вперекор всему —
Мы жизнь саму,
Мы жизнь саму
Умело ставим на колеса.

ПЛАНОВЫЕ ПОКОЙНИКИ

Плановая подготовка к зиме, к сожалению, требует не только стройматериалов, смет и людей, но и еще известной сообразительности.

По части именно этого остродефицитного товара в некоторых местах чувствуется прямо болезненная нехватка. То для свиней на зиму построят что-то вроде мужской купальни, то обрекают коров на зимний уют в строении, напоминающем газетный киоск, и коровам самим приходится догадываться, что это сделано исключительно для их зимних удобств.

Но самое эксцентрическое в области предзимней фантастики проделал горсовет города Александровска-на-Томи.

— Что полагается человеку и корове к зиме, — решили горсоветчики, — это дело ясное. Корову помножить легко. Семь коров на семь — вот тебе и тридцать шесть. Допустим сорок. Итого, значит, к зиме корова, как на ладони. С человеком еще легче — сам прибежит, когда холодно станет, тут его только и регистрируй... А вот как с покойниками? Как учесть зимнего покойника? А могилу ему зимой вырой, в могилу его опусти, сам не будет хорониться...

И вот горсовет решил так:

— Планировать, так планировать... Получайте!

И на следующий день издал такое постановление и разослал его в соответствующие инстанции:

„Горсовет сообщает, что в виду трудности в зимнее время рыть могилы, вам надлежит на зимнее время их заготовить. Количество определяйте по своему усмотрению. Место отведет зав. Горкомхозом.

Командант города ДЕМЕШКО“.

Неизвестно, получил ли товарищ Демешко точные данные и веренные цифры о том, насколько могил рассчитывает каждая инстанция, но плановые покойники по вверенной ему территории могут быть спокойны:

— Подготовка их к зиме проведена со всей энергией и предусмотрительностью.

А.

СЕНТЕНЦИЯ ГОЛОВОТЯПА

Ну-с, транспорт, топливо, корма —

Все в относительном порядке.

Теперь — ЗАМАЗАТЬ... недостатки,

И — будет теплою зима!

А. СТОВРАЦКИЙ

СУЩЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА

Рис. Ю. Ганфа (тема А. Бухова)

— Разрешите только сказать, сколько я перенес на транспорте.

— Это в другой раз, а сейчас расскажите, сколько вы перевозили на транспорте.

РЕЙД „КРОКОДИЛА“ В НКПС

ЗАМЕТКИ ПУТЕВЫЕ И НЕПУТЕВЫЕ

ОТ РЕДАКЦИИ:

Для очередного рейда по управлению пути НКПС мы привлекли двух наших сотрудников, когда-то хорошо известных читателям „Крокодила“: осторожно-медлительного гражданина Савелия Октябрева и безудержно-восторженного Семена Баррикадова.

Нам думается, что бригада Октябрева и Баррикадова работала не зря, ибо из противоположностей рождается истина. А впрочем, судите сами. Материал, доставленный бригадой, печатаем без малейших изменений.

ВПЕРЕДИ К НОВЫМ ПОБЕДАМ!

(Статья Семена Баррикадова)

Громадные достижения путевого хозяйства не раз отмечались газетами. К сожалению, иногда бывали попытки смазать эти достижения. Одна газета (страшно сказать!) пыталась обвинять путейцев чуть ли не в очковитирательстве! Какая жалкая клевета!

Мы собственными глазами видели гигантские успехи. План сплошного ремонта выполнен на 118 процентов! Пусть нытики и маловеры кричат о том, что качество ремонта никудашное, — покажите им сводки, покажите им рапорты! Там все в порядке! И какие цифры! Дух захватывает!

Надо всемерно приветствовать прекрасный почин путейцев! Благодаря их заботливому уходу за путями, на многих участках выросла сочная густая трава. Таким образом положено начало собственной кормовой базе. Особенно отличились в этом смысле Курская и Октябрьская дороги. Надо немедленно передать их ценный опыт другим! Быть может, скоро на полотне станет возможным сажать низкорос-

*) См. карикатуру. Прим. редакции.

Рис. П. Бродаты

лый ягодный кустарник. Надо использовать все возможности, надо озеленить не только полотно, но и все сточные канавы! По самым скромным подсчетам, использование путей для кормовых трав сможет дать... (далее идут сложные вычисления и диаграммы, которые мы для ясности опускаем. Редакция).

Упростить путевое хозяйство — вот благородная задача, которую героически выполняют работники пути. Но я бы пожелал им еще больше решительности и быстроты в этой интересной работе. Они вместо шестидырных накладок стали вводить четырехдырные. Прекрасно! Но нельзя на этом успокаиваться. Каждая накладка — накладной расход. Надо перейти к бездырным накладкам! И наконец, может быть надо совсем уничтожить накладки.

Я считаю, что в управлении пути еще не изжиты остатки ненужной самокритики. На собраниях нет-нет да и выступит какой-нибудь беспринципный оратор с критикой руководства. Это надо пресечь! Руководство трудится, как никогда: достаточно сказать, что количество издаваемых им директив неуклонно растет.

Начальник управления, член коллегии НКПС Межин*), среди тысячи дел находит время для серьезной научно-исследовательской работы: он изучает статьи в „Правде“ об управлении пути и пишет к ним комментарии. (Некоторые злопыхатели почему-то называют эти комментарии опровержениями! Это — инсинуация! Ведь „Правда“ до сих пор не опубликовала ни одного такого опровержения). Углубленная научная работа так изнурила тов. Межину, что он с болью в сердце ушел в отпуск, не дождавись даже премирования за перевыполнение планов!

Весьма ценную научную работу развернул также заместитель начальника Кюннер*). Каждому заведующему секторной группой дано боевое задание: во что бы то ни стало написать обстоятельный доклад по отдельным объектам на тему: „Почему нельзя выполнить постановления партии и правительства?“ Как видите, работа небольшая, но ответственная. Я предложил организовать специальную комнату-лабораторию, где и сосредоточить все труды тт. Межина и Кюннера. Железные дороги должны знать своих героев!

Семен Баррикадов.

ТИШЕ ЕДЕШЬ, — ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ

(Статья Савелия Октябрева)

Учреждение без неполадок подобно обеду без соли. Но управление пути надо исключить из этого правила, ибо здесь даже при желании не обнаружишь никаких недостатков.

Надо отдать должное начальнику тов. Межину. Он, как отец, помогает своим подчиненным не только на работе, но и во время партийной чистки. И когда того или иного работника спрашивают, почему он не выполнил той или иной работы, т. Межин ласково и мягко подсказывает: „Железа не было... Олифы не было“.

И со свойственной ему остротой ума гениально доказывает, как отсутствие олифы влияет на развертывание социалистического соревнования:

— Была бы олифа, — были бы лозунги, были бы доски о соревновании. А так без олифы, без досок — разве это соревнование? Упрощенчество — и больше ничего.

„Поспешись, — людей насмешишь!“ — вот мудрое правило тов. Межина. И весь аппарат следует этому золотому правилу. Попадая в Управление пути после уличных темпов, просто отдыхаешь душой. Всякая бумажка, прежде чем дойти до тов. Межина, обходит десяток заведующих, которые детально рассуждают, все ли знаки препинания на месте. Так что ошибки здесь не может быть никакой. Здесь стоят за качество бумаги и лучше продержат ее месяц, но не сдадут в НКПС без полагающейся по штату запятой.

Что же касается подготовки к зиме, то подробных данных о том, что делается на местах, в Управлении пути нет. Из этого можно сделать неукоснительный вывод, что там в основном все обстоит благополучно, ибо в противном случае сведения, конечно, были бы.

Руководящие работники Управления заверили меня, что в случае прорыва таковой будет немедленно ликвидирован в корне. И в этом трудно сомневаться, ибо уже создан штаб по ликвидации прорывов, коим заготовлены в достаточном количестве циркуляры и произведена расстановка сил. Как только с линии поступят тревожные вести о прорыве, будет объявлена „набатная декада штормовой атаки“.

Всецело одобряя предпринятые управленческие меры, я позволяю себе все же сомневаться в том, чтобы для ликвидации прорыва хватило одной декады. Памятуя, что иная поспешность вредна, я предложил бы сверхударный месячник.

Чтобы доказать свою полную беспристрастность, я не скрою и крупных недостатков, замеченных мною. Подумайте только: в управлении пути помещения отапливаются через день! К тому же двери обиты войлоком лишь с одной стороны. На что это похоже? Разве так надо беречь здоровье сотрудников?

Беспартийный Савелий Октябрев.

С подлинным верно:

Руководители рейда

Е. ВЕСЕНИН
ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Почему тт. Кюннер и Межин могут рапортовать о своих „достижениях“ только вдвоем?
Да просто потому, что если один из них уедет проверять качество ремонта пути, то цифра сразу резко изменится.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

Рис. Кукрыникозы (тема Я. Бальского)

Кукрыникозы 83г.

— За этим составом нужно бы комбайн пустить, — вручную больше пяти километров не уберешь...

СЛУЧАЙ С ГЕНЕРАЛОМ ЛИНЦИНГЕНОМ

Генерал Линцинген лежал в кровати, страдая от подагры и от отсутствия государственного поста в правительстве наци.

Маленький рыжий доктор в больших очках почтительно шупал слабый генеральский пульс, а коренастый человек с бакенбардами методически щелкал в углу костяшками счетов и бубнил.

— В померанском имении вашего превосходительства пали гуси... Семь гусей по шесть марок — сорок две марки... Сдохла свинья вашего превосходительства — сто двадцать восемь марок... Коровы вашего превосходительства зашли в огород вашего превосходительства — девять марок ноль семь пфеннигов убытка...

Фрау Линцинген, маленькая розовая старушка, тихо плакала у окна аккуратными мелкими слезами.

— Плохо, — сердито прохрипел генерал, — гуси падают, у всех приятелей майстерские портфели, а у меня подагра... Паршивая зима будет...

И, оглядев присутствующих, генерал Линцинген с горькой улыбкой добавил:

— Только вы, доктор Пфунц, и вы, герр Бубек, не оставляете старика... Спасибо, дорогие...

Неожиданный телефонный звонок врезался звонкой струей в наступившую тишину. Генерал нехотя взял трубку, приставил ее к уху и вдруг приподнялся на постели.

— Слушаю... Так точно... В четверг? К шести?.. Слушаю... Непременно... Слушаю... Честь имею...

Когда трубка была положена, фрау Линцинген робко посмотрела на мужа:

— Ну?

— Позвали, — торжественно ответил генерал и слез в розовой пижаме и теплых кальсонах на лебяжьем пуху на пол. — Безусловно — портфель!

— Неужели министерский, ваше превосходительство? — почтительно спросил рыжий доктор.

— А какой еще? — сухо посмотрел на него генерал Линцинген. — Или вы думаете, что наци меня могут пригласить начальницей пансиона для глухонемых?

— Виноват, ваше превосходительство...

Генерал Линцинген накинул халат и еще строже посмотрел на доктора.

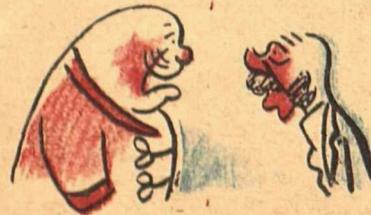
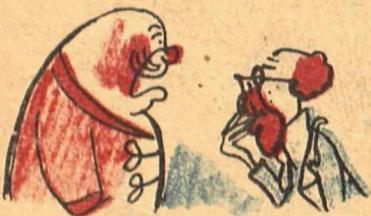
— Скажите, доктор Пфунц, вы всегда рыжий?

— С детства, ваше превосходительство. У меня и мама рыжая.

— Меня ваша рыжая мама не лечит, — строго заметил генерал Линцинген, — меня лечите вы, а рыжий человек не может быть арийцем... Министр национального правительства не может доверять свою подагру лицу неарийского происхождения... Кстати, подагра — арийского происхождения?

— Всякого, — уныло ответил доктор. — Могу послать другого доктора. Из медицинского персонала у нас в доме только один брюнет, да и тот ветеринар.

— Для честного националиста лучше арийский ветеринар, чем доктор рыжей антиарийской раскраски. Пришлите.

Когда доктор ушел, генерал Линцинген посмотрел на управляющего и сухо спросил:

— Голландец?
— Никак нет, ваше превосходительство. Немец.

— Греков в родстве не было? Дядя мексиканского подданства не принимал? Оставьте на столе ваши отчеты и принесите справку об арийском происхождении. И кто только к тебе сегодня не вотрется в служащие!..

Фрау Линцинген спешно готовила в столовой завтрак:

— Не буду, — сурово сказал генерал Линцинген, отодвигая курицу, — курица — птица явно славянского происхождения. Сою оставь, — соя — почти японка, а японцы почти арийцы. Вынь из баранины чеснок. Неарийский запах. Одним словом, дай мне кусок чистой арийской колбасы...

К вечеру была рассчитана горничная из-за явно неарийского разреза глаз.

— Я же их не сама себе разрежала, — всхлинула горничная.

— Все равно, — назидательно произнес генерал Линцинген, — у стола министра-наци не может быть неарийских глаз. И кухарке скажите, чтобы готовилась. Я не могу есть шницеля из неарийских рук.

Утром генерал Линцинген пошел получать министерский портфель. Он долго ходил по министерскому коридору, дожидаясь приема и сосредоточенно думал:

— Военный или морской? А вдруг здравоохранения? Не приму... Нет, приму... Гуси падают, коровы в огород ходят. Десять марок по семь пфеннигов убытку... Тяжелая зима... Приму...

— Вас просят, генерал.

Линцинген вошел в министерский кабинет, тактично щелкнул шпорами и увидел сухое бритое лицо секретаря.

— Ваша мамаша, генерал? — кисло спросил секретарь, не поднимая головы.

— Я здесь один, — испуганно ответил Линцинген, — без мамашы...

— Этого не бывает, — ехидно заметил секретарь. — Каждый честный немец имеет одного папу и одну маму.

— У меня они тоже были. И папа был и мама была.

— У нас тоже имеются эти сведения. А бабушка?

— И бабушка была. Очень хорошая старушка. Вязать любила.

Клюквенный морс еще пила.

— Что вы еще знаете о своей бабушке?

— Кошка у ней была. Серая. Капот был в полоску. Бисквиты хорошо пекла.

— Еврейка она была, — взвизгнул секретарь, поднимаясь с места, стыдно, генерал! Командовали армией, с его величием завтракали, а еврейскую бабушку за спиной держали? Позор, генерал! Прощайте!..

Генерал Линцинген плохо соображал, доехал ли он домой на трамвае или приехал на велосипеде. Он сидел у себя на постели, опустив худые волосатые ноги, и тихо говорил жене.

— Доктора Пфунца тоже позови... Невероятная судорога в ноге...

— Он же рыжий, дорогой мой...

— Я уже это давно замечал. Я очень люблю рыжих. Может быть, я сам в душе рыжий... А где управляющий?

— Он же еще не принес справки об арийском происхождении...

— Не надо. Арийцы — жулики. Я не желаю, чтобы мои павшие гуси шли в арийские карманы...

— Может, и горничную с кухаркой...

— Верни. И пусть она, которая с разрезом, отнесет вот эту записку по адресу. Там ее перешлют за границу...

Генерал Линцинген, отвернувшись, протянул жене маленький аккуратно исписанный листок бумаги. Фрау Линцинген прочла:

Известный генерал Линцинген, бывший командующий одной из немецких армий, перешел в оппозицию к наци и уезжает из Германии.

АРК. БУХОВ

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

УНЫЛАЯ ЭКОНОМИКА

Подготовка к зиме в Австрии идет в нормальном для капиталистического мира порядке:

фабриканты готового платья закрывают предприятия в виду отсутствия покупателей.

Теперь у предприятий не будет ни шуб ни поку пателей. Положение печальное, но, по-видимому, устойчивое.

ЗИМНЯЯ РАДОСТЬ

По-видимому, в Германии была предпринята попытка отменить зиму как сезон неарийского проис-

хождения, но так как из этого ничего не вышло, —

в течение зимы в Берлине будут организованы два больших национальных праздника с парадами штурмовиков.

Вполне естественно, что после этого население начинает дрожать еще до прихода холодов.

ЛЕТНЕ-ЗИМНИЙ МАРШРУТ

В Мексике зима не суровая. Особенно она не сурова по отношению к

контрабандистам, ухитрившимся провезти нэрм одного из пограничных городов своего ставленника, которого полиция не могла поймать в течение лета.

Наконец его поймали и посадили на пост мэра. Так в мексиканской действительности опытные люди заменяют беспокойный летний отдых в тюрьме зимним отдыхом в муниципалитете.

ТЕОРИЯ НЕПИТАНИЯ

Не так давно японское министерство земледелия, как сообщают американские газеты, выпустило для крестьян популярную брошюру:

как сеять рис, как его обрабатывать и как собирать. О том, как надо есть рис, в брошюре ничего не сказано.

А жаль: за последнее время японских крестьян почти совсем отучили от этой несложной операции с рисом.

КУПЛЯ — ПРОДАЖА

В Индии, в Калькутте, арестован английскими властями индус,

который продавал портреты Ганди. Оказалось, что он не смог продать ни одного портрета Ганди.

Вполне естественно. Ганди столько раз продавал самого себя и за такую дешевку, что кому же захочется платить деньги за портрет, раз оригинал так дешев?

Кормилец пришел

ПАРТИЙНЫЙ ЯЗЫК

Нина Павловна — очень культурная совдама. Она даже культурней чеховской акушерки Змеюкиной, которая взывала к окружающим:

— Я задыхаюсь! Дайте мне атмосферы!

Нине Павловне тоже нужна атмосфера. Нина Павловна задыхается. Но она говорит об этом много интеллигентнее и тоньше, чем Змеюкина. Вчера, например, Нина Павловна сказала нам:

— Кроме языков многочисленных народностей, населяющих СССР, у нас есть еще два общесоюзных языка: советский и партийный. Ну, про советский я не говорю: к нему можно кое-как приспособиться... Но партийный!.. Знаете, в нем совершенно нет этой необходимой гибкости, эластичности, этих тонких нюансов и мягких оттенков... Очень трудный, оч-чень резкий и о-ч-ч-чень грубый язык!

А почему это вас так беспокоит, Нина Павловна? — спросил один из нас.

— Ну, как же, — ответила Нина Павловна. — Ведь муж у меня — партиец. Вы забыли?

— Ах, да... Понимаю, вам, значит, трудно с ним разговаривать?..

— Не мне. Мужу трудно. И вообще, ему нелегко. Вот вы представьте: осенне-зимние перевозки. Он ведь на транспорте... И вот, во первых, зима — это не первое мая. Первое мая всегда бывает первого мая, а зима может начаться и в ноябре и в декабре: когда ей угодно. Разве муж виноват, если она вдруг опережает события? Во-вторых, план зимних перевозок определенно был нереален, об этом можно, если хотите, молчать, но с этим нельзя же не считаться! И, в-третьих, бывает же, что временами человеку не до того. Ну, устал, ну дела, ну, нервная система, ну, квартирные обстоятельства, ну, наконец, человек не машина же! Я и сама нередко испытывала, ну, вот, просто валится из рук всякая работа... Словом, тысячи объективных причин.

Нина Павловна замолчала. Тогда еще один из нас произнес:

— Так. А при чем тут, гражданочка, партийный язык?

— Ну, как же при чем? — удивилась Нина Павловна. — Была же чистка! Конечно, муж все это им раз'яснил, на самом обыкновенном русском языке раз'яснил, вот как я вам сейчас. Но после этого за-

дают вдруг вопрос... Хотя писалось, чтобы сложных и экзаменационных вопросов не задавать, ему все-таки задают: „А как все это называется на партийном языке?“

— Так. А он?

— Не сумел, конечно, перевести, — сказала Нина Павловна. — Не ответил. Они уже сами перевели: „Правый оппортунизм на практике“. Но как это неэластично и грубо!

Когда мы вышли от Нины Павловны, один из нас спросил:

— Что, собственно, хотела сказать нам общительная гражданочка? Другой ответил:

— Она хотела довести до нашего сведения, — довести с необходимой гибкостью и эластичностью, с тонкими нюансами и мягкими оттенками, — что ее мужу не удалась роль члена Всесоюзной коммунистической партии большевиков...

А третий сказал:

— На партийном языке это много короче и проще: „Исключен из рядов“ — вот и все!

ГРАМЕН

„НЕ БЕСПОКОИТ?“

В колхозе им. Ворошилова (Каменнобродского сельсовета, Н.-Александр. р-на, Севиря) правление* назначило завхозом... парикмахера Голева, совершенно не знакомого с сельским хозяйством. Голев ничего не делает и только отпускает матюки.

Есть опасения, не будет ли хозяйство острижено... под ноль?

ДОЙНЫЕ СВИНЬИ

Управляющий райколхозживфермами Еловского района на Урале Авдеев, трудясь в поте лица, довел план молокопоставок на 1933 год до свиноводческой товарной фермы Фомичевского сельсовета.

План до фермы дошел благополучно, но молоко до Авдеева не дошло: ни одна свинья не хотела доиться.

Эх, т. Авдеев, стоило ли связываться со свиньями: обложил бы молокопоставками... птицеферму!

КОНВЕЙЕР КООПРЕМОНТА

Рис. Н. Радлова (тема Вас. Лебедева-Кумача)

Летом несут шубы в коопремонт.

Весной шубы несут из коопремонта.

В остальное время года носится сам заказчик из дома в коопремонт и обратно.

БОРОДАТЫЕ СТРЕКОЗЫ

„Попрыгунья стрекоза
Лета красное пропела,
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза“.

(И. А. КРЫЛОВ —
„Стрекоза и муравей“)

На дворе морозный иней,
Мерзнут красные носы.
В магазине — на витрине:
Тюбетейки и трусы.

На дворе морозный иней,
Холод, слякоть, зноб и дрожь.
В магазине нет в помине
Ни перчаток ни калош.

И, дрожа, встречаем мы
Наступление зимы.

Снег сулит бюро погоды,
Замирает бег ручья,
А посмотришь, у завода
Нет ни угля ни сырья.
Зимним сном уснули раки,
Зверь и тот сменил пальто,
Но стоят, стоят бараки,
Как гнилое решето.

Не спеша, встречаем мы
Наступление зимы.

Холод щели атакует,
Белым инеем ползет,
А на складах всюду дует,
И картофель — точно лед.
Снег грозит закрыть пороги,
Снег обрушиться готов,
А железные дороги
Не поставили щитов.

Не спеша, встречаем мы
Наступление зимы.

Каждый год — одно и то же,
Мерзнут люди и дома.
Почему же, отчего же
Нас врасплох берет зима?
Ведь она идет по плану
Аккуратно каждый год,
Почему же постоянно
Страшен нам ее приход?

Потому что до зимы

О зиме не помним мы!
И хозяйственник почтенный,
И путеец, и завмаг
К холодам обыкновенно
Не готовятся никак.
И когда морозец жесткий
Им глаза слепит слезой, —
Все они глядят крыловской
Попрыгуньей-стрекозой.

А пора бы вам, друзья,
Курс держать на муравья!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

О ТЮБЕТЕЙКАХ, МАЙКАХ И ДРУГИХ ЗИМНИХ ТОВАРАХ

Я встретил Сеню Зыкина в жаркий июльский день около маленького киоска на Никитском бульваре.

Сеня тяжело отдувался, сердито вытирал рукавом крупные капли пота с загорелых щек и поминутно ронял на землю какой-то плохо перевязанный сверток.

— Это ты что, Сеня, — спросил я, кивнув на сверток, — судака купил?
— Я судаков не покупаю, — промычал Сеня, глотая мороженое. — Валенки сейчас раздобыл.

— Валенки? В июле? Ты что же купаться в них думаешь, что ли? Между прочим, это довольно эффектно: голубая майка и белые валенки...

— Майку сейчас не достанешь, — вздохнул Сеня. — С валенками сейчас легко, а майки придется до ноября дожидаться... Валенками-то хоть завались. Пошел в магазин и...

На этом месте редактор перестал читать фельетон и укоризненно сказал автору: — Стыдно, дорогой. Старенький фельетончик-то... Изжеванная темочка — валенки в кооперации в июле месяце... И в третьем году писали и в прошлом...

Автор обиженно пожал плечами и положил перед редактором коротенькую справочку:

„По плану МСПО в кооперативные магазины на некоторые из московских заводов на летний сезон были направлены assortименты зимних товаров, как например глубокие калоши, валенки и т. д...“

Редактор виновато улыбнулся и стал читать дальше.

Последний раз я встретил Сеню Зыкина в холодный и мокрый день, в конце ноября. Он был в легком пальтишке, переминался с ноги на ногу, и в потных руках у него был длинный неуклюжий сверток.

— Еще валенки? — участливо спросил я.

— Куда там, — печально улыбнулся продрогший Сеня, — майки, купальная простыня и пара тюбетеек.

— Сеня, — мягко спросил я, — если ты в декабре месяце придешь в вуз в расшитой золотом тюбетейке, завернутый, как в тогу, в купальную простыню, — общественную карьеру ты на этом не сделаешь.

— И не собираюсь, — грустно уронил Сеня, — а только насчет тюбетеек и маек сейчас, к ноябрю, как-то полегчало. Я и купил...

Редактор снова отложил фельетон и хотел с явно выраженной досадой посмотреть на автора,

— Знаю, — предупредил его догадливый автор. — „В третьем году писали, в прошлом году писали, тема старая, приемчик — тоже...“ Читайте...

Редактор посмотрел на бумажку. На ней стояло: „В базе Гормосторга, Тверская, 26, на 5 миллионов рублей несезонных товаров. На базе громадное количество тюбетеек“.

— Хорошо, — тихо сказал редактор. — Ваш фельетон идет в номер.

Так этот фельетон попал в номер „Крокодила“.

КЛИМ УНЫВАЛОВ

КСТАТИ О ПЕЧКАХ

К руководителю Мосжилстроя товарищу Шурыгину явилась делегация жильцов Духовского общежития.

Тов. Шурыгин был важен, спокоен и рассудителен. А духовские жильцы озабочены, суетливы и взволнованы.

— Мы насчет ремонта общежития к зиме, — начали жильцы.

— Ремонт? — удивился тов. Шурыгин. — У нас с ремонтом все обстоит крайне благополучно. Прямо на-яты...

— У нас нет печки, — наперебой заговорили жильцы.

— Ремонт произведен Мосжилстроем по объектам на 98 процентов в общем и целом.

— Но у нас печка...

— Это не важно. Ваша печка, повидимому, входит как раз в нехватящие два процента.

— Но ведь зимой без печки невозможно.

— Но ведь 98 процентов, товарищ, это большой процент, согласитесь сами. Куда же больше?

— Но у нас все-таки нет печки.

— Что такое печка в сравнении с планом? Это же понимать надо...

— Но как же без печки?

— Жаль, что ваша печка вошла в 2 процента. Но нельзя же, товарищи, танцевать только от печки!

БЕН-ГАЛИ

ТЕТЯ МОТЯ НА-СТРАЖЕ

(НА ДОКЛАДЕ У НАРКОМТЯЖПРОМА ТОВ. ОРДЖОНИКИДЗЕ)

Известный изобретатель товарищ Линник долго трудился, пока изобрел свой аппарат по металлзации распылением. Но труды его не пропали даром.

Товарища Линника приветствовали, в честь товарища Линника завод номер 1-й выпустил целую печатную страницу, Линника премировали суммой в сто тысяч рублей, которую, кстати, изобретатель передал государству. Линнику выдали сразу три патента на изобретение, которое освобождает нас от импорта зарубежных металлзатов и экономит миллионы валюты.

Казалось бы, что у изобретателя должно быть самое радужное настроение. А между тем Линник взволнован, огорчен и расстроен.

— Разве ваш аппарат плохо работает?— осведомились мы у изобретателя.

— Какое там, — махнул рукой Линник, — я могу покрыть металлом что угодно: телеграфный столб, корабельную мачту табуретку, фанеру, даже цветущую розу, если хотите.

— Да зачем вам это нужно?

— Тети Моти замучили.

Вам, конечно, известно, кто такие тети Моти? Тетя Мотя — это особа нечеловеческой энергии, особенно с тех пор, как она стала старшей по квартире. У нее всегда куча „общественных“ дел.

— К вам тут мужчина посторонний ходит, с бородой, — шепчет тетя Мотя жиличке Берте. — Так чтобы больше этого не было.

— Помилуйте, какой же это мужчина? — обижается Берта. — Это мой жених.

— Знаем мы этих „химиков“! Такой же вот „химик“ на Сивцевом Вражке семью ограбил. Как хотите, а я подала заявление в домоуправление.

Вообще „общественные“ функции тети Моти приводят в панику всю коммунальную квартиру.

Но что квартира? Вы послушайте лучше, что начала выделывать тетя Мотя после того, как ей были доверены некоторые функции по изобретательству.

Наркомтяжпром отпустил два с половиной миллиона рублей Электрохиммету для скорейшей реализации аппаратов Линника.

Но тетя Мотя из Электрохиммета полтора года спорила с тетей Мотей из Оргаметалла: кому из них делать, верней, кому не делать аппаратов Линника.

В результате ни та ни другая организация до сих пор еще не выпустила ни одного аппарата, хотя сам изобретатель в полукустарной обстановке лаборатории Института химического машиностроения, которой он заведует, все время эти аппараты производит.

Комитет изобретательской выставки, где демонстрируется изобретение, подготовил к выпуску брошюру о металлзации по способу Линника. Что можно возразить против этого прекрасного намерения?

Тети Моти и не возражают. Они просто являются в комитет и с пеной у рта требуют, чтобы брошюру не смели печатать.

Тетя Мотя с завода номер 1, по фамилии Васильев, „от имени рабочей общественности“ настаивает:

— Аннулировать заготовленную брошюру! Изъяты! У нас тоже изобретают. Я против!

Васильеву вторит другая тетя Мотя из Московского общества изобретателей — Васютин. Он также стоит „на-страже изобретательства“. И потому он также не желает, чтобы о металлзации знали те, кому это необходимо знать.

— Позвольте, — удивляются логически мыслящие люди, — почему вы, собственно, так свирепствуете? Что вы имеете против изобретения или изобретателя?

— Ничего, — отвечают тети Моти, — но мы на-страже. Мы не позволим, чтобы так, без нашей санкции, изобретали. Подозрителен нам этот изобретатель. Кто его знает? Без всякой причины ведь изобретать не станешь да еще премию государству жертвовать.

— Но ведь Наркомтяжпром признал, премировать постановил.

— А что нам Наркомтяжпром? Мы сами себе тети Моти. Мы на-страже. Почтенные старушки грозят изобретателю пальцем:

— Я тебе поизобретаю!

И вместе с тем показывают промышленности вместо необходимых ей аппаратов по металлзации собственный аппарат в виде комбинации из трех пальцев. Ибо они „на-страже“.

БЕН ГАЛИ

„БЛАТМЕЙСТЕР“

Заведующий административно-финансовым управлением треста „Ормедзолото“ (Орск) Антонов большой формалист и знаток своего дела. Если ему нужны продукты „по блату“, он пишет сам себе в официальном порядке:

„Зав. АФУ Антонову.“

Прошу отпустить мне на личные нужды следующие товары (следует перечислить)

Зав. АФУ Антонов“.

Подав самому себе заявление, он красным карандашом пишет на нем: „Товар отпустить. Зав. АФУ Антонов“. А получив „вышеперечисленное“, скромно пишет внизу чернильным карандашом: „Товар получил. Антонов“.

До чего добросовестный человек: даже ворует с соблюдением всех канцелярских правил!

ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА

На станции Батраки (Самаро-Златоустинской ж. д.) под покровительством начальника станции т. Хваткова и секретаря ячейки т. Мандрусова практикуется такой метод исчисления заработной платы:

Число операций принимается за X . Если рабочий переработал норму и сделал X операций плюс Y , то для того, чтобы вычислить стоимость одного Y (переработка сверх нормы), нужно при ставке в 200 рублей умножить Y на одну целую десятую часть тысяч (или $Y \times 1,98412$ коп.).

Не думайте, что это высшая математика. Это просто высший бюрократизм.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЗИМА

Нигде зима не наступает так рано, как в театре. Первого сентября, когда даже вечером у киосков с газированной водой топчется запаренная очередь в белых одеждах, обмахиваясь цветами, зима считается наступившей. И по традиции на сцене Малого театра городничий в парике бобриком ровно в половине восьмого объявляет собравшимся чиновникам:

„Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...“

Зимний сезон уже наступил.

Впрочем, в театре к зиме начинают готовиться тоже очень рано. Примерно в феврале месяце на фоне бывших крещенских морозов начинают думать о крепком зимнем сезоне.

Собственно говоря, из всего сложного аппарата театра подготовка эта касается только литературной части:

С половины февраля завлит уже чувствует, что надо предпринять что-то. „Этот сезон кое-как перебежмся, а к будущему надо бы подготовиться“...

Завлит ценою недельных унижений и хныкания выпрашивает у замдиректора по административно-финансовой части несколько тысяч рублей и срочно раздает их в виде аванса нескольким приятелям из наиболее модных в данный момент писателей. Приятели немедленно садятся писать пьесы, отличающиеся одним общим свойством: их ни в коем случае нельзя будет поставить. Затем, встретившись на одном из банкетов, они быстро выясняют, что никто из них отработывать аванса не собирается.

— Будем считать, что мы одолжили у театра по полторы тысячи, — говорит модный писатель поостроумней. Прочие смехом скрепляют эту резолюцию.

Но оптимист завлит считает, что подготовка к зиме выполнена. Он вызывает к себе репортера вечерней газеты. Шустрый репортер ежесекундно взмахивает листками блокнота с бланком редакции, как чайка крыльями. И тут завлит произносит мистическое заклинание, которое не имеет никакого практического смысла, но которое так любят все завлиты:

— В портфеле театра — шесть современных пьес для будущего сезона. Писатель Балабухов пишет для нас трагедию на тему о дератизации (уничтожение крыс и мышей). Писатель Кулдыкарев готовит лирическую комедию об ирисно-халвичном производстве. Драматург Сапунжанц работает над драмой из жизни бетономешалки. Драматург Зачепиский работает над драмой на материале нового трамвайного тарифа. Поэты Иван Шерваты и Блямм осваивают мистерию-сонату, темой которой является борьба за полотера. Скиселев переделывает в сборное действо нашу мемуарную брошюру профессора Яечкина „Как бороться с флюсом“...

Репортер пишет. Листы блокнота взлетают, как крылья чайки. Интервью опубликовано и даже в восьми изданиях. Но намеченные пьесы отпадают одна за другой, как струпья заживших ран. Заказаны еще три. Самотекком поступили полторы. И все это не то. Вздыхая, завлит обращается к классикам. Снова — интервью.

— В портфеле театра: „Разбойники“, трагедия Шиллера из жизни налетчиков Германии XVIII века; „Отелло“ — сборное действо Шекспира на материале низменных страстей в итальянской военной среде и „Моцарт и Сальери“ Пушкина, — борьба за чистоту нравов среди буржуазных музыкантов...

Первого сентября, собирая публику в белых брюках из чертовой кожи и платьях цветного кустарного полотна на „открытие зимнего сезона“, театр еще не знает, пойдет ли второй пьесой „действие на материале низменных страстей в итальянской военной среде“, или „мистерия-соната в плане борьбы за полотера“. В „портфеле театра“ лежит все или ничего.

В. АРДОВ

О ЧЕРЕДНАЯ ПРИЧИНА

Рис. А. Топикова (тема Я. Бельского)

— Опять у вас на станции пробна образовалась?

— А это, извиняюсь, три вагона с циркулярами о подготовке к зиме застряли...

...„НИЖЕ НУЛЯ“

Желая узнать, как подготовилась к зиме наша железнодорожная сеть, мы обратились к начальнику одной дороги. Почтенный начальник ответил нам примерно так:

— Зима? Ах, помню! „Зима... Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь... Его лошадка...“ Ах, люблю я Есенина. Что? Пушкин?.. Ну, все равно. „Его лошадка...“ „плетется... как-нибудь..“

— Кто плетется? Ваша дорога? Мы же вас ясно спрашиваем, как вы подготовились к зиме?

— Ах, понимаю! Но почему, собственно, вы ко мне? Обратитесь к моему заместителю. А я лично в общем и целом обожаю зиму!

Зам. начальника встретил нас мило, предложил сесть, выслушал и переспросил:

— Поскольку я понимаю, вы говорите о зиме? О нашей доброй, старой, милой, здоровой русской зиме? Эх!

Лицо его оживилось.

— А вы помните Ленинград? Острова! Деревья в пушистом снегу!

— Да мы вас не о качестве снега... А как ваша дорога встречает зиму?

— С восторгом... А о деталях вы все узнаете у начальника отдела. Это по его части... Пока!

Начальник отдела встретил нас ласково.

— Гм... Зима, говорите? Как же... Помню! „Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел...“

— Куда вышли? На вашу линию?

— Ах, молодые люди! — горько усмехнулся начотдела. — Как не стыдно не знать Некрасова!

— Но, позвольте, при чем Некрасов? О вашей дороге он не писал... И, вообще, давно помер... А нам нужно узнать о подготовке к зимним перевозкам.

— Неужели помер? — начальник удрученно качнул головой. — Жаль, жаль! Так при чем же тут я? С этим делом надо в загс... в отдел захоронений... Впрочем, я вообще занят. Обратитесь к начальнику дистанции!..

У начальника дистанции разговор был еще короче.

— „Зима! Как много в этом слове для сердца русского слилось!“ Впрочем, это не о зиме... — Он печально вздохнул и вытер обшлагом голубую слезу: — Как это... помните: „И вновь зима, и те же е-е-ели в печальном сумраке стоят...“

— Виноваты...

— Ах, да, вы насчет подготовки? Так это, голуба, не ко мне надо! Это, дорогуша, к начальнику участка пути...

Мы вышли под грустное пение, раздававшееся сзади:

„А под окном моим ме-те-ели,
И звуки вальса не звуча-ат!“

— Быть не может! — воскликнет читатель. — Не может быть, чтоб начальство дороги распевало романсы, читало стихи, да еще при журналистах! Да и дороги-то такой нету!

— Верно! Нету. Но есть Московско-Казанская, Курская, Рязано-Уральская и много других дорог, о которых чуть не ежедневно пишут газеты.

Может быть, верно, их начальство стихов не пело и романсов не читало. Может, оно книжки читало, эсперанто изучало, отчеты сочиняло, — мало ли чем оно занималось.

Но вот к зимним перевозкам действительно слабо готовилось!

ЛЕОНИД СЛАНСКИЙ

ПРИХОД ЗИМЫ

(Из хрестоматии для взрослых)

Когда по всем параграфам и сметам
Октябрь, октябрь к ответу нас влечет
И за ошибки, сделанные летом,
Неумолимый пред'являет счет;

Когда прохладой стяннутые лужи
Покроются чешуйками слюды;
Когда осенний ветер не воет в уши,
А делается мягким и седым;

Когда сезон начало торжествует,
И все полно — и ложки и райки, —
И молодежь в готовность боевую
Приводит прошлогодние коньки;

Когда мороз — придирчивый волшебник —
Нас тормошит, за уши теребя,
Когда один растерзанный учебник
Обслуживает четверых ребят;

Когда мечты о печке или камине,
А для дровец заданье лишь дано,
Когда нигде нет валенок в помине,
А на витринах майками полно, —

Тогда мой друг с улыбкой благодарной,
Сопоставляя признаки в уме,
Ты обрываешь листик календарный
И говоришь пора притти зиме!

АРГО

И СНЕГ ПРИГОДИЛСЯ

Рис. А. Толкина (тома Р. Романа)

Расхлябанность охраны на некоторых дорогах дошла до того, что бригада РКМ, никем не замеченная, увозила паровозы.

— Ну, теперь можно спать спокойно, — никакая бригада Землячки паровоз не утащит.

О КАРТОЧНОМ ДОМИКЕ, КОТОРЫЙ РАССЫПАЛСЯ

ВОЗМОЖНА ЗАМЕНА

Ряд свидетелей обвинения, выступавших по делу о поджоге рейхстага, являются уголовными.

Рис. К. Ротова (тема Я. Бельского)

Глазами, просящими о сочувствии, Головка посмотрел на меня.

— Понимаешь, перевели в кандидаты. Не рассчитал, понимаешь!

— Чего же ты, Головка, не рассчитал?

— А вот, понимаешь, в сроках ошибся. У нас в ячейке все ошиблись. Когда чистка началась? Первого июня? Вот. С кого начали? Ну, вообще — с главных заводов, с трестов, с наркоматов. А наше учреждение, как бы сказать, — второго разряда. Ячейка у нас маленькая, почти что незаметная. Конечно со временем и до нас, мы знали, доберутся, но не скоро! У нас в ячейке так высчитали, что не раньше, чем в январе.

— А к тому времени, — сказал культпроп, — мы зимнюю политучебу наладим. И самокритику разведем в газете. И добровольные общества — МОПР, „Друг детей“. Да мало ли... Тем более у нас в распоряжении почти что полгода...

И не проходит, понимаешь ли, двух месяцев — созывают собрание с комиссией, объявляют нам: чистка!

Нам уж тут не до разговоров. Надо готовиться. Я высчитал: до меня человек шестьдесят на А, Б, В. Может, недельку выгадаю. А пока надо нажимать.

И вот, понимаешь, ухватился я за учебу. Спешу. Зубрю.

„Второй съезд происходил в тысяча девятьсот третьем году... Революция пятого года была генеральной репетицией... Членом партии считается каждый, состоящий... Ленинизм есть марксизм... на основе самоопределения... Призрак бродит... Четырнадцатый съезд был съездом индустриализации... Январский пленум происходил на рубеже... У нас не было химической промышленности... У нас задуваются новые и новые домны, а у них...“

— На четвертый день вызвали меня. Вообще, понимаешь, все наоборот. А, Б, В перенесли к концу. На букву Ф товарища чистили первым. Товарищ на ЦЗ за ним пошел, а потом меня вызвали.

Рассказал свою биографию. Стою, ожидаю политики.

— Ну, как у вас с политической учебой? — спрашивает председатель.

— Да так, ничего, — говорю. — Спросите меня, между прочим, про второй съезд, это — пожалуйста.

Председатель посмотрел на меня и спрашивает:

— А какая разница между совхозом и колхозом?

— Это, говорю, еще не успел. Спросите лучше про четырнадцатый съезд.

Он опять посмотрел на меня.

— А в чем сущность правого уклона?

Понимаешь, чувствую явно каверзный вопрос. На всякий случай отвечаю:

— В уклонах не состоял и потому мне их сущность ни к чему. Лучше спросите первый параграф.

Опять он посмотрел.

— На какой основе строится наша партия?

На это я ему сразу: на основе демократического социализма!

— Не социализма, а централизма. На один, говорит, вопрос ответили, да и то плохо.

— Почему же, спрашиваю, плохо, товарищ председатель? Социализм — слово хорошее. Мы на него работаем.

— Плоховато работаете!

В общем, перевели, понимаешь. И вот главное, что мне обидно. Знаю, что не за наказание перевели. Понимаю, что не партвзыскание. Обидно все-таки мне, что не рассчитал. Знал бы я, что через два месяца, да за эти бы два месяца я бы...

— Чего там два месяца. Ты шесть лет был в партии, Головка. Времени, как говорится...

— Я был на практической работе...

— На практической? А теория где у тебя была? А где сказано, Головка, что „...практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией?“

— Где? — заморгал Головка. — Ты, пожалуйста, каверзных вопросов не задавай, ты спроси меня лучше, в котором году происходил второй съезд. А ты этакое выкопал.

Л. МИТНИЦКИЙ

— Ради бога, господин шуцман, что мне грозит?..

— Один год тюрьмы или три выступления свидетелем по делу о поджоге рейхстага.

ЗИМНИЕ ПЕСНИ

1

Голый снег. И воздух голый.
И мороз давно готов.
Человек мужского пола
Ищет теплое пальто.

Сторублевую бумагу
Зажимает в кулаке
И бежит к универмагу
Рано утром налегке.

2

Мы с тобой гуляли, Зойка,
Мы смотрели чудеса:
Недоделанная стройка
Поднималась в небеса.

Снег летел и для начала
Обволакивал дома.

Угрожающе крепчала
Настоящая зима.

Я сказал: „О, сколько, Зойка,
Незамазанных камней,
Посмотри о, Зойка, сколько
Недоделанных дверей!“

„Зимовать, — сказала Зойка, —
Этим поднятым лесам“.
Тут, испуганный, на стройку
Прибежал начальник сам.

„Вот, — воскликнул он, — жара-то!
Как, зима уж! Чудеса!“
И глазами бюрократа
Посмотрел на небеса.

НИКОЛАЙ МАЯК

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ

Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48 Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журн. — 90 к. в м. Подписка принимается только почтой. Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 1030

Сдача текста и рисунков — 4/XI-33 г.

Подпись к печати — 21/XI-33 г.

Статформат А9—220×333. Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В — 68619

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 1823. Тираж 210.000

40 x 65

ДВА ПУТИ В АМЕРИКУ

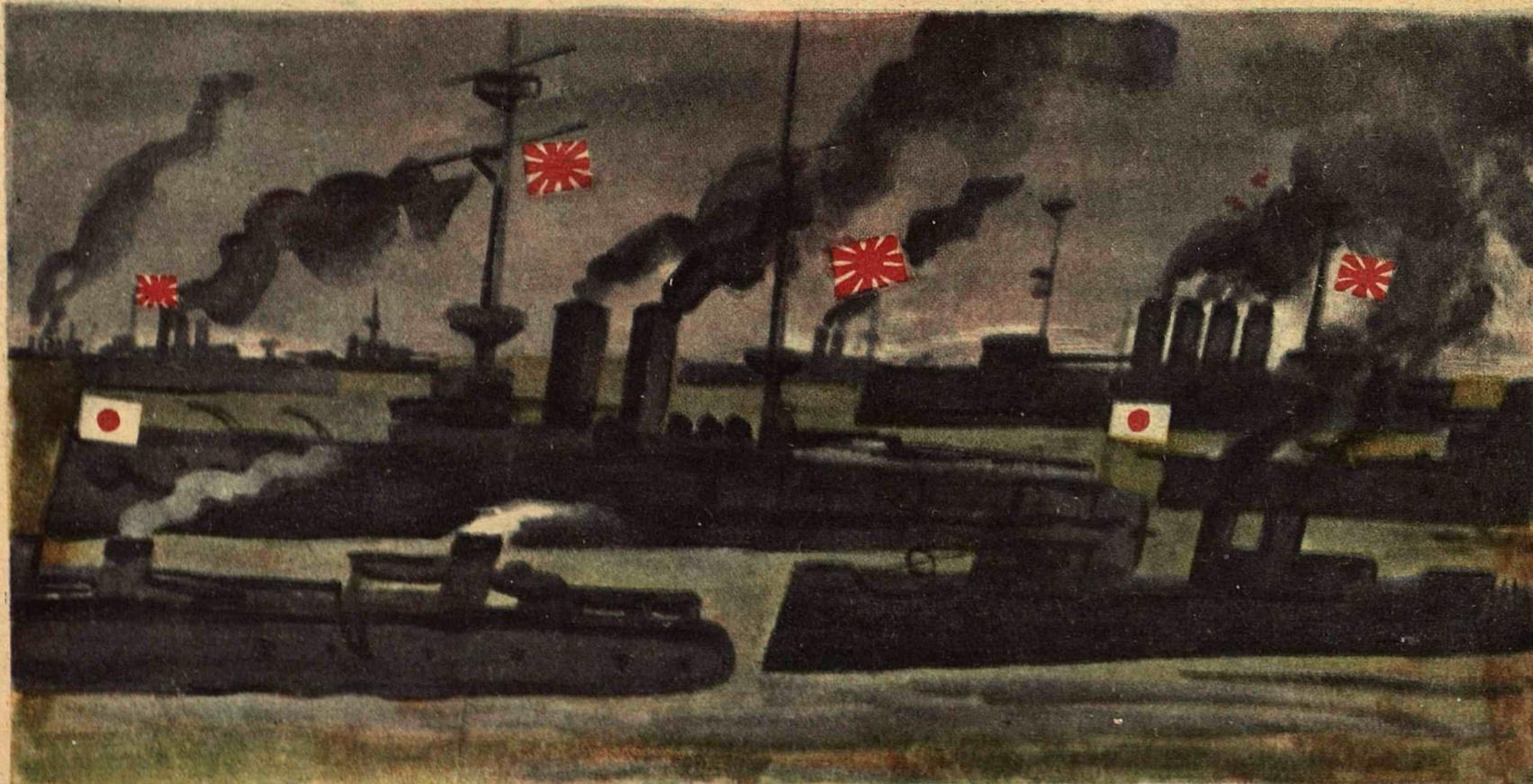
(Уроки полтгеографии)

АРХИВ
3. ДЕК 1933
Г. Ц. Н. П.

Рис. Л. Бродаты (тема В. Гранова)

СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ

ЯПОНСКИЙ ВАРИАНТ